

Это случилось ранним утром. Занималась заря, но на темных небесах все еще горели звезды. Нежный утренний свет мягко освещал Ньярлатар и скользил между зданий и вдоль улиц. Он стелился по земле, стенам и крышам. И карминовая черепица ярко горела на фоне светлеющего неба. В одном из множества помещений первого яруса спала маленькая девочка. Теплый розовый свет проникал сквозь распахнутое окно и ложился на все доступные поверхности. Освещал он и хозяйку комнаты, спящую так крепко, словно ее совершенно не волновали ни сквозняк, ни яркое солнце. Это было не удивительно: всю прошедшую ночь девочка бегала по городу, не обращая внимания на собственную усталость. Но иные обитатели поместья не спали. В малом обеденном зале сейчас находились две завтракающие женщины. Старшая из них, черноволосая и загорелая была немолода, но все так же прекрасна, как во времена своей юности. Это Катерина, жена городского Мастера, сидела во главе стола и пила вино, даже не притронувшись к утренней каше. Левее находилась похожая на неё молодая девушка, несравнимая с ней в манерах. Любог человек, увидевший этих женщин впервые, решил бы, что они мать и дочь. И оказался бы прав: эта девушка была Алисией Готе, старшей дочерью Генриха и Катерины. Они разговаривали о погоде. В то же время, средняя дочь Готе, Энгель, направлялась в комнату своей младшей сестры, Ньярлы. Энгель слыла молодой красавицей, уже успевшей очаровать весь высший свет Семи Городов. Но любили её не только за красоту: в отличие от серьезной и гордой сестры, Энгель была добра, мила и весела. Она шла по коридору, напевая веселый незамысловатый мотив, и здоровалась с каждым встречным слугой. К тому моменту, как она зашла в спальню Ньярлы, уже окончательно рассвело. Энгель хихикнула: ее маленькая сестренка всегда была рассеянна и сонлива, но сегодня она превзошла саму себя. Своей сестре Ньярла казалась странным ребенком: замкнутой, мрачной, нелюдимою. Девочка с гораздо большим удовольствием играла в одиночестве или со старшим поколением, чем с другими детьми Ньярлатара. Обычно, она просто отфыркивалась от любого предложения семьи по поводу сверстников, и Энгель была единственной, кого это не устраивало. И единственной, кто понял причину такого поведения. Она осмотрела комнату: слишком темная для ребенка; большая, но заполненная вещами. Зачем ребенку столько игрушек, если к ним прикасаются только служанки во время уборки? Единственной игрушкой, которую Ньярла любила и с которой играла, была маленькая лодочка на веревочке. Энгель подошла к кровати. Она не хотела будить сестру. Ньярле требовалось на сон явно больше пяти часов, но никто, кроме Энгель, не знал о ночных вылазках младшей Готе. И понятно почему: все остальные сразу же рассказали бы о шатаниях малышки ее отцу, а он, в свою очередь, запретил бы Ньярле выходить из дома. Поэтому Энгель каждый раз приходила к Ньярле, запрещая служанкам заходить прежде нее, и прикрывала младшую перед всей семьей. «Как же, — подумала вдруг она, — перед семьей. Что вообще должно случиться, чтобы мы по-настоящему стали семьей?». — Милая, просыпайся, пора на завтрак, — произнесла она, чуть поглаживая голову девочки, — матушка и сестра уже в обеденной. Теплый свет мягко ложился на девичье лицо, Ньярла поморщилась и забурчала. Она давно привыкла вставать так рано, и поэтому практически сразу проснулась. Она посмотрела на старшую сестру и улыбнулась, мягко приветствуя Энгель. Начинался очередной день в Ньярлатаре, и от прочих он отличался лишь редкой для этих мест солнечностью. Девочка встала с кровати и, позевывая на ходу, пошла в ванную. Так уж вышло, что в их доме само собой сложилось правило: пока отец семейства в ратуше — мать воспитывает Алиссию в лучших дворянских традициях. И если Энгель еще имела право появляться на глаза старшим женщинам, то Ньярла должна была находиться где угодно так, чтобы мать ее не замечала. Поэтому младшие дочери Готе не ходили в малый обеденный зал и не появлялись в гостиной. Поэтому же Энгель вставала на час, а Ньярла — на три позже, чем все остальные обитатели поместья. Энгель потянулась. Пока пришедшие служанки собирали ее сестру, она обычно просто ждала. Она выглянула в окно: на улице стояла прекрасная погода. В голубом небе растворялись последние звезды. Такая погода всегда пробуждала в ней какое-то тоскливо-романтическое настроение. Энгель было четырнадцать, Алисии — пятнадцать. Всего через полгода ее старшая сестра войдет в

тот возраст, когда каждой уважающей себя молодой леди уже пора выбирать жениха. Они, правда, выбирать не будут: родители уже давно договорились об их замужестве, и боги знают, чего Энгель стоило вытребовать у матери свое счастье — Рауля Руссо. Леди Готе почему-то упорно отказывалась отдавать своих дочерей за кого-либо из будущих Мастеров. По площади перед домом ходила одинокая сизая чайка. Она кричала и вертела головой из стороны в сторону. Энгель наблюдала за ней, думая о том, как повезло Ньярле. Сестра еще шесть лет могла не задумываться о своей судьбе и быть ребенком. — Я готова! — прозвучало вдруг из-за спины Энгель. Она обернулась: — Это замечательно, милая. Идем есть? Ньярла кивнула, слегка улыбнувшись, и взяла старшую сестру за руку. На кухне было просторно. Вообще, они ели в отдельном помещении, соединенном с самой кухней небольшой дверью, но это место все еще было совершенно не подходящим для пары молоденьких дворянок. Не то, чтобы хоть одна из них брезговала. Энгель считала, что место для еды неважно, пока сама еда есть. Ньярла была довольна этим помещением потому, что на кухне жил ее любимый пес. Белый огромный самоед по имени Кость был одним из немногих понравившихся ей подарков, привозимых Ньярле купцами и политиками. Весь мир прекрасно знал о том, что единственным слабым местом Генриха Готе была его любимая дочь, Ньярла, и потому все, кто желал отхватить от благосклонности Ньярлатара кусок побольше, задаривали ее подарками. Энгель не ревновала: в любом случае, ей не нужны ни безграничная любовь Генриха, ни горы бесполезных игрушек. Лишь бы дорогой Рауль оставался ее. Справедливости ради, Ньярле весь этот бесполезный дорогой хлам не нужен был тоже. За все те года, когда ей что-либо дарили с целью подобраться поближе к Мастеру Ньярлатара, по-настоящему приняла она лишь несколько подарков: Кость; ту самую игрушечную лодочку; набор шелковых лент, бывший инициативой энлатарских мастеров; музыкальную шкатулку из Арлатара, при звуке которой Ньярла почему-то всегда начинала плакать; и несколько платьев. И странную зинлатарскую козу, которую боялись все, кроме самой Ньярлы. Сложно, на самом деле, не бояться животного, которое вместо травы и сена, ест исключительно сырое мясо. Энгель улыбнулась. Ее маленькая сестра, как обычно, не стала есть ничего, кроме рыбы. Им подавали настоящие деликатесы: каши, овощи, сахар. Но Ньярлу не интересовало. Она любила рыбу, водоросли, соль и мясо, напроочь игнорируя иную пищу. Такой была вся жизнь Ньярлы, и Энгель не нравилось, что состоит эта жизнь исключительно из любви к морю. Слишком уж сильно девочку тянуло к воде: неправильно и ненатурально, словно отступник заколдовал. Но как бы Энгель не хотелось оградить сестру, он ничего не могла сделать. *** Ньярла сидела на выступе внешней стены первого яруса и болтала ногами в воздухе. Ей было весело без страховки сидеть над обрывом. Ниже находился лишь третий ярус и сто с лишним метров свободного падения. Но, несмотря на опасность, ей хотелось шагнуть вперед и упасть на воздух, как бывало иногда во снах. Сны у Ньярлы были странные. Она часто видела, как летает ночью среди белесых облаков и горных пиков, как спускается вслед за речушками на поля, как танцует среди горящих лесов с кем-то очень высоким, а затем уходит в море. И море вставало волнами и пеной перед ней, словно образуя дорогу. Бывали и другие сны, где она видела свою дружную семью — еще большую небылицу. Снились Ньярле и кошмары. Каждый раз один и тот же темный мрачный коридор. Ньярла никогда не видела его из-за темноты, но он был достаточно узок, чтобы она двигалась наощупь. Там дальше стояла высокая винтовая лестница высотой в четыреста метров, или три тысячи шестьсот тридцать шесть ступенек. И еще один коридор, в конце которого — огромные железные двери. Она никогда не заходила за порог, но знала, что дальше был только зал и огромный пустой аквариум посередине. Ньярла шла к нему каждый раз, но никогда не входила. Ей было страшно возвращаться. Вдруг в дальних причалах раздался протяжный стон горна. Ньярла вздрогнула и похлопала себя по щекам. Ей не стоило думать о таких грустных вещах, сидя на краю первого яруса. Это в седьмом, где всего двадцать метров до водной глади, она могла позволить себе невнимательность, потому что умела и любила нырять в море. А если бы она упала здесь... Папа бы очень расстроился. «Скучно» — думала она, выбираясь обратно в переулок первого яруса. Эта маленькая ниша была ее тайным убежищем, где никто прежде не

мог ее отыскать. В этом не было ничего удивительного: переулок всегда находился в тени, а выбоина в стене находилась в очень узком проходе между стеной и давно уже заброшенным домом. Проход был очень узок — меньше метра точно, и залезть в него могли бы только ребенок или животное. Ньярла отряхнулась. У нее впереди был целый день, который она могла потратить на игры, но она не знала с чего начать. Можно было вновь убежать в доки, посмотреть на корабли и поплавать. Или уйти гулять по магазинам второго яруса, где Ньярла была желанным гостем. Особенно ее любили в том книжном, стоящем у подножия центральной лестницы. Он был очень большим: небольшое двухэтажное здание и четыре огромных подземных этажа. Хозяин этого магазина был очень приветливым молодым мужчиной и нравился Ньярле, в отличие от работников. Но идти в магазин сегодня было нельзя. Она ушла из дома, сказав, что пойдет играть с друзьями, но друзей у нее не было. Остальные дети и подростки Ньярлатара не хотели играть с ней: одни боялись, другие считали чудачкой, для остальных она была слишком маленькой. Не то, чтобы Ньярле хотелось с ними играть — их игры были слишком глупыми и скучными, — но в любом случае это было обидно. И если бы она пошла в магазин, кто-нибудь мог ее заметить. Сразу бы возникли вопросы, и папа точно разволновался бы. Этого Ньярла не хотела. Она подскочила на месте и побежала в доки. Там всегда было весело: можно посмотреть на торговцев, моряков, послов. Иногда встречались и пираты, и Ньярле нравились все из них, кто осмеливался швартоваться в городе. К тому же, папа говорил, что происхождение денег не важно, а городу не мешает лишнее финансирование. Ньярле было радостно. Она могла делать все, что ей пожелається, играть и веселиться в море весь день. Единственным условием было возвращение домой до пяти часов вечера. Она вышла из переуллка и неспешным шагом, прячась в тени домов, направилась вниз по центральной улице. Ей не нравились такие дни, как этот четверг. Было слишком светло и тепло, и даже ветер стих. Гораздо больше она любила промозглую погоду, когда с небес, затянутых огромными серыми тучами, лилась вода. Когда ветер пробирал до костей и поднимал морскую воду ввысь, словно в попытке затопить Ньярлатар. Когда океан штормило, и прекрасные корабли стучали бортами друг о друга. Как жаль, что сегодня был не один из таких дней. Но все же, погода не могла испортить ее настроение. Она лежала на волнах, когда солнце достигло зенита. Свет искрился яркой лазурью среди кипени, переливался, как покатый рыбий хребет. Ветер был очень слаб, но Ньярла млела от морской прохлады. Соленая вода проникала в ее уши, ноздри и рот, но она не чувствовала ничего. Она хотела раствориться в воде, обратиться морской пеной и плыть туда, где нет никого, кроме рыбы. В небе медленно, словно неповоротливые старые киты, плыли облака. Они были красивы: большие и маленькие, тонкие, крупные и похожие на вату. А под ними летали чайки. Ньярла наблюдала за тем, как сизые птицы, качаясь на волнах, хватали рыбу. Это было интересное зрелище. Она перевернулась на живот и опустила голову в воду. Внизу, среди огромных острых камней, поросших мелкими водорослями, сновали яркие серебристые караси. Вот маленький зубарик понесся следом за саргом сквозь водорослевые заросли. А чуть дальше собирались скумбриевые косяки. Ньярла улыбнулась: она ждала нереста, потому что отец обещал отпустить ее вместе с моряками заняться промыслом. Воздух в легких заканчивался, и ей пришлось вынырнуть. Она вновь легла на спину и осмотрелась. На горизонте точеной горой чернел Ньярлатар, и черепица его сияла кармином. «Ох, — подумала Ньярла, — похоже, на этот раз я уплыла слишком далеко». Она находилась в нескольких километрах от города, и ни один корабль не шел в ее направлении. Она часто уплывала из города, словно пытаясь найти что-то среди морских пустошей. Иногда она плавала к прибрежным поселениям, где гуляла на суше и собирала красивые камешки. Жители окрестных деревень носили ей цветы и украшения, водили ее в леса и молили о хорошем улове. Ньярле не нравилось, что ее считали водным духом, но рассказать о себе она не могла. Обычно она уплывала в морские дали — как случилось и сегодня, — где часами резвилась в воде. Это было опасно, но очень интересно. Особенно под водой, где жили прекрасные рыбки, скаты, акулы и ее любимые медузы. Некоторые из них были маленькие и нежные, некоторые — ядовитые. Встречались и цветные, и

прозрачные. Но все они нравились Ньярле, потому что были лучшими созданиями во всем мире. Жаль, что сегодня она не встретила их. Ньярла лежала на волнах, смотрела в яркое светлое небо и думала о людях, которых видела сегодня в доках. По докам гуляла делегация рогатых людей из Тэлатара, купцы, творцы, жители горы Йолэш с их огненными пони. Ньярла даже вновь встретила мужчину, продавшего ей зинлатарскую козочку. Рахиль была лучшей козой в мире, и Ньярла сказала об этом продавцу. Но был в доках еще один человек. Необычный, не похожий на других людей. Он просто прошел мимо, но Ньярле хватило и этого. Он показался знакомым, хотя она никогда не видела его прежде — запомнила бы. Он был низким, болезненно-худым и держался так, словно был божеством среди скота. Яркое солнце освещало его пепельные волосы и искрилось золотом в серых глазах. Незнакомец ощущался свежестью, морским бризом, сухим песком, солью и ржавым поросшим водорослями металлом. Ньярла хорошо знала эти запахи: они преследовали ее в каждом кошмаре и являлись тем немногим, что не давало ей сорваться и шагнуть за ворота. Она хотела подойти, познакомиться, узнать этого мужчину и не забывать никогда. Это казалось правильным, и она побежала вслед за ним. Но он оказался быстрее и скрылся в глубинах седьмого яруса прежде, чем Ньярла успела его нагнать. Она даже не разозлилась тогда: слишком сильно оказалось потрясение от встречи. Ей было обидно, но она отчего-то была уверена, что еще встретит его и сумеет поговорить. А пока что она могла только качаться на волнах Северного моря подобно сизым чайкам, окружающим Ньярлатар. Ньярла поджала ноги и расправила тяжелые юбки платья. Ее одежда и волосы тянули ее вниз, но она была достаточно сильной, чтобы держаться на поверхности. Она не знала, сколько времени провела в воде, но понимала, что стоило возвращаться уже сейчас. Она почесала нос: тот саднил от соленой воды и болел так, как будто она заболела. Поправив прилипшие ко лбу волосы, Ньярла глубоко вздохнула, нырнула под воду и поплыла в Ньярлатар. Она была голодна и хотела пораньше вернуться домой.